

Воронина О.А.

«КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА» Л. Н. ТОЛСТОГО КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЕГО ЭТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ПОЛА И ЖЕНСТВЕННОСТИ

Взаимоотношения между мужчиной и женщиной лежат в основе фабулы многих художественных произведений. Не исключение и романы Л.Н. Толстого. Однако в его творчестве мы видим не просто бытописание, но выражение собственной этической концепции, в том числе и в отношении «полового вопроса», как тогда говорили.

Во второй половине XIX – начале XX вв. т.н. половой вопрос вышел из тени и стал предметом публичного обсуждения как в художественной, так и в гуманитарно-научной литературе: вспомним романы и новеллы А. Дюма-сына, Г. де Мопассана, Э. Золя, Ф. Достоевского, А. Куприна, М. Горького; работы Ф. Энгельса, З. Фрейда, А. Шопенгауэра, В. Соловьева, Н. Бердяева, В. Розанова, З. Гиппиус и многих других.

Отражением актуальности т.н. полового вопроса для российского сознания того времени является возникновение в русской религиозной философии «теологии пола», или «философии любви». В центре внимания философов этого направления находилось рассмотрение роли и значения половых различий в системе мироздания.

Так, В. Соловьев считал любовь между мужчиной и женщиной средством преодоления отчуждения человека от всеединства: «истинный человек в полноте своей идеальной личности ... не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих» [1]. Восстановление изначального образа Бога, по Соловьеву, возможно только в человеке-андрогине, объединяющем в себе духовные качества женщины и мужчины. При этом физическое соединение женщины и мужчины и рождение детей Соловьев считал «дурной бесконечностью», приравнивающей человека к животному (и отражение этой идеи очевидно в речах Позднышева).

Н. Бердяев рассматривал проблему пола в духе христианского мистицизма. С одной стороны, он, как и В. Соловьев, считал, что истинная сущность человека андрогинна. С другой – утверждал, что «половая полярность есть ... основа мира» [2], а сами категории пола, т.е. мужское и женское, определял как космические, а не антропологические понятия. В то же время Н. Бердяев считал, что «женщина гораздо менее человек, гораздо более природа» [3]. Однако в противоречии с этим заявлением он утверждал, что призвание женщины – отнюдь не деторождение, но явление Вечной Женственности, которая вдохновляет мужчину на высокое творчество [4]. По мнению Н.Бердяева, в преодолении физиологии пола рождается новый человек, восстанавливающий в себе андрогинный образ Бога [5]. Очевидно, что, несмотря на словесные кружева о Вечной женственности и Софии, женственное и сами женщины воспринимаются Н. Бердяевым как нечто изначально негодное, что может и должно стать чем-то полезным для мужского творчества только через отказ от «пола».

Глубоко верующий В. Розанов был, пожалуй, единственным из русских религиозных философов, кто резко выступал против разделения духа и тела и отвержения телесных радостей в христианстве. Розанов утверждал, что аскетизм христианства сделал его бесчувственным к теплу жизни, в то время как, по мысли В.Розанова, – «связь пола с Богом, большая, чем связь ума с Богом, чем даже совести с Богом...» [6]. Деторождение, писал Розанов, вовсе не загоняет человечество в дурную бесконечность смертей и рождений, а помогает преодолеть смерть [7].

Представитель русского утопизма Н.Федоров рассматривал «половой вопрос» в контексте своей «супраморалистической» философии. Н. Федоров утверждал, что человек призван исполнить Божий замысел и установить божественный порядок над вселенским хаосом, для чего необходимо уничтожить смерть и заменить сексуальную энергию рождения – энергией воскрешения. В его утопии плотское удовольствие, результатом которого является рождение смертных, уподобляется самой смерти и потому должно

быть преодолено. Н.Федоров отвергал отношения между мужчинами и женщинами и провозглашал «нравственную чистоту» (тождественную для него асексуальности) [8]. Как видим, Н. Федоров, как многие до него и после него, отождествляет сексуальность (через деторождение) с женщиной, смертью и злом. Преодоление полового инстинкта, считал Федоров, с неизбежностью позволит человеку обрести духовность. Идеи Федорова о греховности любви в ее сексуальной ипостаси глубоко повлияли на Л. Н.Толстого.

Формирование представлений Л.Н.Толстого об экзистенции женщины прошло определенные этапы. Динамика этих представлений связана, с одной стороны, с влиянием на него идей некоторых из вышеперечисленных авторов – и не только русских религиозных философов. Так, Л. Н. Толстой разделял консервативные взгляды А.Дюма-сына на женщин, изложенные в романе последнего «Дело Клеменса», где муж точно так же, как позже Позднышев (герой «Крейцеровой сонаты») убивает свою жену – вонзив нож под левую грудь. Аналогию между замужеством и проституцией любил проводить Ги де Мопассан (новеллы «В спальне», «Подруга Поля»). С другой стороны, Л.Н.Толстой пережил во второй половине жизни значительный экзистенциальный кризис, который не мог не привести к изменению его собственного отношения к проблемам пола.

До «Крейцеровой сонаты» у Толстого были другие представления о женственности. В своих ранних произведениях он отмечал близость женщин к природе и, придерживаясь романтических традиций, считал их спасительницами погрязшего в пороках общества. В «Крейцеровой сонате» от этого положительного представления ничего не осталось. Естественность женщины сводится теперь лишь к ее животной сущности, она «запятнана» своей чувственной природой, которая одновременно осуждается как нечто противоестественное. Здесь явно видно влияние на Л. Н. Толстого философии Ж.-Ж. Руссо, который в романе «Эмиль» сформулировал весьма противоречивые идеи о «женщине». Согласно Руссо, только правильное воспитание женщины помогает развить в ней ее собственную природу, которая

заключается в «естественной стыдливости» и подчиненности мужчине. Женская чувственность (впрочем, еще со времен Аристотеля) считается противоестественной и угрожающей рациональному мужскому миропорядку.

Темы, которые впоследствии будут столь шокирующе представлены в «Крейцеровой сонате» – телесность, страсть, любовь вне брака, как и их оценка Толстым – так или иначе появлялись и в более ранних романах Толстого. Вспомним образ «развратной» Элен из романа «Война и мир», которую Толстой карает ранней смертью. Или превращение писателем невинной поначалу Катюши Масловой, поддавшейся искушению плоти, в проститутку (в романе у нее ведь могла быть и иная судьба - О.В.). Анну Каренину, которая поддалась страсти, Л.Н. Толстой фактически казнит на протяжении всего романа, бросая под конец под поезд. Даже Наташу Ростову Толстой подвергает «искушению страстью». Однако и по логике развития характера Наташи, и самого действия в романе ее страстный порыв к А. Куракину выглядит эмоционально необоснованным. Наверное, потому автор ее и «пощадил» – Наташа Ростова не «пала» до телесной близости с Куракиным, а в браке с Пьером она – прежде всего примерная мать (что было морально приемлемо для сознания Л.Н.Толстого тех лет).

Сам сюжет «Крейцеровой сонаты» на первый взгляд отражает одну из житейских историй – Василий Позднышев, светский мужчина, много покутивший и погулявший в молодости, влюбляется (когда приходит пора) и женится на невинной привлекательной девушке своего круга. Затем начинается обычная семейная жизнь со своими ссорами, примирениями, рожденьями детей, мужской ревностью, подозрениями в измене жены (ничем в романе не доказанными). Однако завершается сия обыденная история убийством Позднышевым своей жены с помощью ножа. Затем мужа оправдывают по суду как «защищавшего свою честь». В советском литературоведении было принято трактовать это произведение как обличение буржуазного брака.

На наш взгляд, смысл этого произведения совсем другой. Искусная композиция «Крейцеровой сонаты» максимально служит той

мировоззренческой задаче, которую поставил перед собой Л.Н. Толстой. Все произведение представляет собой почти один монолог Позднышев, в котором переплетаются несколько линий: рассказ о своей личной ситуации, общие рассуждения об отношениях между мужчинами и женщинами, нравоучения, доказательства своей правоты со ссылками то на «науку», то на Христа. Литературные приемы, применяемые писателем, служат представлению его итогового этического манифеста «по половому вопросу». Это подтверждается и документально: в конце 1890 г. Л.Н.Толстой сказал доктору Диллану, что рассматривает «Крейцерову сонату» как «своего рода трактат, в котором излагается его доктрина» [9].

Позднышев (это Альтер-эго Толстого)¹ описывает свои похождения в молодости (которые в значительной степени похожи на опыт молодого графа), а затем рассказывает о своем постепенном прозрении истины о сексуальных отношениях между мужчиной и женщиной и в заключение провозглашает некую этическую догму. Ее суть – полное половое воздержание человечества во имя нравственности. Толстой устами Позднышева говорит: «... если цель человечества есть то, что сказано в пророчествах, что все люди соединятся в едино любовью, что мешает достижению этой цели? ...страсти, из которых самая злая – половая, плотская любовь...» [10], которую Позднышев иногда называет свиным делом, обезьяньим занятием. Позднышев утверждает, что «если люди соединятся воедино, цель будет достигнута, и тогда человеку незачем будет жить». В существование неполовой любви между мужчиной и женщиной Позднышев (как и Толстой того времени) не верит, поскольку считает, что женщины от природы наделены чувственностью, чтобы ловить мужчин. Толстой через Позднышева утверждает, что как бы ни возвышали и не поэтизировали «так называемую любовь» искусство и литература, сущность отношений между мужчинами и женщинами заключается в плотском влечении. В одной из записных книжек, куда Толстой вносил замечания для своего послесловия, он пишет: учреждайте бордели, учреждайте и браки – учреждения

¹ В одной из ранних редакций рассказа Позднышев даже носит имя Леонид.

плоти, но знайте, что как не может быть христианского борделя, так не может быть и христианского брака [11]. Впрочем, в самом начале рассказа Позднышев признает, что женщины и девушки оказываются жертвами социальных норм: «И девушка неиспорченная, я убедился, всегда ненавидит это» (имеются в виду сексуальные отношения – О.В.). Однако уже через несколько страниц он обвиняет женщин в том, что свое общественное бесправие они быстро превращают во власть над мужчинами. «Миллионы людей, поколения рабов гибнут в каторжном труде на фабриках только для прихоти женщин. Женщины, как царицы, держат в плену рабства и тяжелого труда 0,9 рода человеческого. А все от того, что их унизили, лишили их равных прав с мужчинами. И вот они мстят действием на нашу чувственность, улавливанием нас в свои сети» [12]. Я считаю излишним подробно комментировать этот фантазм. Отмечу лишь, что граф исключает женщин из состава человечества, 90% которого они якобы эксплуатируют, а также позволяет себе не заметить труда крестьянок и фабричных работниц.

На основании якобы присущей всем женщинам развращенности Позднышев называет их проститутками, причем проститутки на длительные сроки – т.е. жены – особенно ему отвратительны [13]. «Половая страсть, как бы она ни была обставлена, есть страшное зло, с которым надо бороться» [14] и даже деторождение не может оправдать сексуальных отношений, необходимо «воздерживаться от деторождения во имя нравственности» [15]. В своей переписке с одним из своих адресатов Л.Н. Толстой писал, что «для блага человека ему, мужчине и женщине, должно стремиться к полной девственности, даже и в случае женитьбы следует жить с женой как брат с сестрой» [16].

Оправданием плотских отношений, по мнению Позднышева (и Толстого), не может служить даже рождение детей, от которого необходимо воздерживаться во имя нравственности [17]. Дети мученье и больше ничего, говорит Позднышев [18]. Чадолюбие своей жены он ставит ей в вину, потому что она постоянно была занята детьми и их болезнями (!), и потому

«правильной семейной жизни не было из-за детей» [19]. В другом же месте он обвиняет жену в том, что она перестала по совету врачей рожать далее. «В 8 лет у нее родилось 5 детей...», потом обнаружилось, что жена **«была нездорова и доктора не велели ей рожать. Я был против, но она – с легкомысленным упорством настояла на своем** (выделено мною – О.В.). Последнее оправдание свиной жизни – дети – было отнято ... » [20]. Из этого Позднышев делает вывод, что врачи вносят в мир через женщин материализм, т.е. нравственное растрепывание [21].

И последняя тема, которую я хотела бы затронуть в данной статье – это тот выход, который Позднышев пытается найти из несчастливого и безнравственного брака. «... мечтаю о том, как избавлюсь от нее и как это будет прекрасно, как сойду с другой, прекрасной женщиной, совсем новой...» [22]. Читатель вряд ли поверит, что это будут братско-сестринские отношения. Ведь безумная ревность, которую Позднышев испытывает к жене, его телесное к ней влечение свидетельствует совсем о другом.

Женщины означают для героя рассказа зло как таковое, поскольку они «устроили из себя такое орудие воздействия на чувственность, что мужчина не может спокойно обращаться с женщиной. Как только мужчина подошел к женщине, так и подпал под ее дурман... И прежде мне всегда бывало ... жутко, когда я видал даму в бальном платье, но теперь мне ... хочется крикнуть полицейского, звать защиту против опасности, потребовать того, чтобы убрали, **устранили опасный предмет**» (выделено мною – О.В.) [23]. Позднышев боится женской чувственности, поскольку она – и это совершенно очевидно – будит его непомерные телесные желания, которые он (по воле автора) должен обуздать. Вину за собственную сексуальную одержимость (по известным механизмам работы психики) Позднышев переносит на образ страстно желаемой женщины, которая фактически символизирует вселенское зло чувственности². Так возникает необходимость радикально уничтожить «этот

² Из текста «Крейцеровой сонаты» мы знаем, что героя рассказа зовут Василий Позднышев; скрипача, которого он подозревал в интрижке (ничем в рассказе не подтвержденной) со

«опасный предмет» как причину, не позволяющую преодолеть собственный грех влечения.

Увидев «все ее привлекательное и ненавистное лицо», Позднышев убивает жену дамасским клинком, который проникает в тело женщины («орудие наслаждения»), уничтожая его красоту и чувственность. И затем с возбуждением (но без намека на раскаяние) описывает эту сцену случайному попутчику: «я знал, что я ударяю ниже ребер, и что кинжал войдет. Я слышал и помню мгновенное противодействие корсета и еще чего-то и потом погружение ножа в мягкое» [24]. Дамасский клинок означает в данном контексте фаллический символ, а описанное таким образом убийство вызывает ассоциации с дефлорацией девушки. С проникновением клинка в тело жены разрушается на текстовом уровне то, что угрожает моральному чувству Позднышева – красота женщины и ее способность к обольщению: «прежде и больше всего поразило меня ее распухшее и синеющее по отекам лицо, часть носа и под глазом. Это было последствие удара моего локтем, когда она хотела удерживать меня. Красоты не было никакой, а что-то гадкое показалось мне в ней. ... Она с трудом подняла на меня глаза, из которых один был подбитый, и с трудом, с запинками проговорила: — Добился своего, убил... Я взглянул на ее с подтеками разбитое лицо и в первый раз забыл себя, свои права, свою гордость, в первый раз увидал в ней человека» [25]. Так убийство жены и воображаемое принесение ее в жертву превращается в сознании Позднышева в акт желанного самоисцеления, избавления от непреодоленного желания и «зверя ревности».

«Крейцера соната» произвела значительное, хотя и далеко не однозначное впечатление на современников Толстого, и даже до выхода в свет (а первоначально ее публикация была запрещена) стала предметом широкой дискуссии. Особое впечатление «Крейцера соната» произвела на супругу писателя. Софья Андреевна писала в своем дневнике: «я ... почувствовала, что

своей женой, – Трухачевский. Однако Позднышев ни разу не называет жену по имени. Тем самым писатель Толстой сознательно делает ее безличным символом греха чувственности.

эта повесть направлена в меня, что она сразу нанесла мне рану, унизила меня в глазах всего мира и разрушила последнюю любовь между нами» [26]. Ей было "неприятно" [27] это произведение, она увидела в женском образе гротескное изображение себя. «Какая видимая нить связывает старые дневники Левочки с его "Крейцеровой сонатой"», – писала она (а у них супругов было принято читать дневники друг друга). После публикации ее дневников это подтвердилось, причем стали понятны и драматические внутрисемейные реакции на этот текст. В то же время Софья Андреевна пыталась доказать себе, родным и литературной общественности, что это произведение никаким образом ее не задело. Именно она, как известно, в 1893 г. на аудиенции у царя добилась его разрешения на издание все еще запрещенной к этому моменту «Крейцеровой сонаты». Позже Софья Андреевна написала свой ответ супругу - текст под названием «Чья вина?» с подзаголовком «По поводу Крейцеровой сонаты. Написан женой Льва Толстого», который был опубликован только в 1994 г.

Л.Н.Толстой был поражен тем, что большинство читателей не разделяет идей, высказанных Позднышевым. Именно поэтому позже он написал послесловие, в котором попытался еще раз дать обоснование идеалу всеобщего полового воздержания во имя нравственности и достижения всеобщего единения. Эти идеи Толстого лежат в русле русской духовной традиции метафизического всеобщего единения. Стремление так или иначе «объединять народ» отличала многих русских мыслителей – А.Хомякова, В.Соловьева, Н.Федорова. Во многом это направление философской мысли проистекает из свойственного русскому самосознанию стремления к коллективизму (или к коммунизму, как считает Д. Ранкур-Лаферьер) как противоположности «западному индивидуализму». И Толстого вовсе не смущает, что ценой проповедуемого им единения выступает физическое выживание человечества. В одном из писем от 6 ноября 1888 г. он писал: «Род человеческий прекратится? Прекратится животное-человек. Экая беда какая. Выродились допотопные животные, выродится и человеческое животное...Пускай его

прекращается. Мне так же мало жалко этого двуногого животного, как и ихтиозавров... , только бы не прекратилась жизнь истинная...А это не только не прекратится, если род человеческий прекратится от того, что люди отрекутся от наслаждений похоти, но увеличится в бесчисленное число раз, и существа, испытывающие (духовную) любовь сделаются такими, что продолжения рода человеческого для них не нужно будет» [28].

Выдвижение такого панморалистского идеала всеобщей половой абстиненции воспринимается в лучшем случае как утопизм, а в худшем – как крайнее выражение мизантропии великого русского писателя.

Библиографический список

1. Соловьев В.С. Смысл любви // Русский Эрос или Философия любви в России. Сост. В.П.Шестаков. – М., Прогресс, 1991, с. 166.
2. Бердяев Н. Письмо будущей жене Л.Ю.Рапп // Бердяев Н.А. Эрос и личность: Философия пола и любви. – М., Прометей, 1989, с.15-16.
3. Бердяев Н. Метафизика пола и любви // Русский эрос или философия любви в России. – М.: Прогресс, 1991, с. 254.
4. Там же, с. 253.
5. Там же, с. 429.
6. Розанов В. Уединенное. – СПб., 1922, с.119.
7. Розанов В. Семья как религия.// Русский эрос..., с. 131.
8. Там же, с. 411, 413, 448.
9. Dillon E.J. Count Leo Tolstoj: a New Portrait. London, 1934, p. 174.
10. Толстой Л. Полное собрание художественных произведений. Т. 12. Крейцера соната. – М.-Л., 1928, с. 78.
11. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений.– М., Л., 1928-1958, т. 51. с. 132.
12. Толстой Л. Полное собрание художественных произведений. Т. 12. Крейцера соната, с.69.
13. Там же, с.76

14. Там же, с. 74.
15. Там же, с. 72
16. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 86. с. 177.
17. Толстой Л. Полное собрание художественных произведений. Т. 12.
Крейцера соната, с. 72
18. Там же, с. 82.
19. Там же, с.84.
20. Там же, с. 87
21. Там же, с.81.
22. Там же, с. 91.
23. Там же, с.69-70.
24. Там же, с.74
25. Там же, с.75.
26. Дневниковые записи С.А.Толстой от 19.1.1891 и 12.2.1891. Цит по: Шорэ Э. «По поводу Крейцеровой сонаты...» Гендерный дискурс и конструкты женственности у Л.Н. Толстого и С.А.Толстой. http://www.a-z.ru/women_cd1/html/pol_gender_cultura
27. Дневниковая запись С.А. Толстой от 27.5.1891. Цит по: Шорэ Э. Указ. Соч.
28. Цит. По: Мужские ответы на женский вопрос в России. Вторая половина XIX в. - первая треть XX в. Антология. Отв. ред. и составитель В.И.Успенская. Т.2. Тверь, 2005. с. 144.

